

Ю. И. Докучаева

Фронтной быт как источник формирования черт ментальности комбатанта русско-японской войны 1904–1905 гг.

В данной статье автором рассматриваются отличительные черты ментальности участника русско-японской войны, которые были сформированы как следствие психологического воздействия повседневной жизни в условиях фронтного быта. Новизна исследования заключается в рассмотрении обозначенной проблематики не с точки зрения классического подхода истории повседневности, а в русле активно развивающегося направления отечественной исторической науки – военной антропологии. Немаловажным стимулом к разработке обозначенной темы послужили гуманоцентрические тенденции исторической науки – стремление историков обратиться к изучению психологии и сознания человека ушедших эпох. Для проведения исследования была выбрана группа источников личного происхождения, а именно письма, дневники и воспоминания Г. К. Графа, Я. К. Туманова, Ф. И. Шикутца, А. В. Квитки и других участников русско-японской войны. Автор статьи приходит к выводу, что участнику русско-японской войны был свойственен фатализм, суеверность, положительное восприятие смерти в бою, корпоративность мышления, абсолютизация ценности долга перед Отечеством. Несмотря на бытовые неурядицы доходившие порой до тяжелейших условий фронтного существования, россиянин оказывался способен на активное сопротивление врагу практически в любых условиях. Если постоянное эмпирическое и информативное погружение в боевую обстановку и чувство сопричастности к происходящему военному конфликту пропадало, то стремление к бесполезному и даже разрушительному досугу начинало превалировать у российского комбатанта.

Ключевые слова: военная антропология, русско-японская война 1904–1905 гг., комбатанты, образ врага, образ войны, дискурс, дискурсивный анализ, мемуаристика, психология боя.

Ю. И. Dokuchaeva

Frontline Life and Its Influence on the Combatants' Mentality during the Russo-Japanese War

The author of the article studies the mentality of the combatants during the Russo-Japanese war. The topic was inspired with the growing interest in the modern scientific society to the people of the past and their way of thinking. That is why the author's primary attention is given to the issue of combatants' mentality. The military psychology is studied with the help of methods, invented by the historical anthropology of war. The memoirs, letters and diaries, written by the participants of the Russo-Japanese War such as G. K. Graf, Y. K. Tumanov, F. I. Shikuts, A. V. Kvitki, were analyzed using the discourse studies. As a result it became obvious that the Russian combatants are superstitious fatalists, who valued their duty above all other things and were ready to die in the battlefield. They were able to overcome any trouble and inconvenience and be able to repel the enemy's attack. It was essential for the Russian combatant to take part in the fights and battles constantly. Otherwise he wouldn't consider himself a part of the Russian Army and Navy and would waste his time aimlessly.

Keywords: anthropology of war, the Russo-Japanese War in 1904–1905, combatants, the enemy image, images of war, discourse, discourse studies, memoirs, military psychology.

Русско-японская война – событие, о котором написаны десятки монографий и сотни научных статей. Несмотря на не затухающий интерес к столь масштабному событию, антропологическое измерение военного конфликта остается крайне скудно освещенным в отечественной историографии. Для современной исторической науки характерен интерес к такому явлению, как психология военного быта. По утверждению Е. С. Сеньявской, война существует в двух ипостасях: фронтная повседневность и экстремальная ситуация боя. Смена смертельной опасности трудовыми буднями на позициях формирует отличительные черты мировоззрения комбатанта [10, с. 74].

Военная повседневность офицеров российской армии в русско-японскую войну уже была пред-

метом исследования отечественных ученых, однако проблема взаимосвязи фронтного быта и процесса формирования мировоззрения комбатанта ранее не была сформулирована [14].

Объектом данного исследования были избраны мемуары, письма и дневниковые записи, содержащие информацию о ментальности участника русско-японской войны, а предметом – черты ментальности комбатанта. Цель данного исследования – установить, какие черты личности становились доминирующими у участников войны в условиях фронтного быта (в ожидании боя).

Будни участника войны омрачал страх неожиданной смерти, поэтому одной из важных функций «затиший» была психологическая подготовка к бою. Российские комбатанты нашли успокоение

в концепции фатализма – неизбежности предначертанного, что является первой важной чертой их менталитета. Не обходятся без упоминания о судьбе и слепом роке письма А. А. Редкина. Впоследствии погибший вместе с эскадренным броненосцем «Князь Суворов» лейтенант рассуждает о своих шансах на выживание в следующих словах: «Война уже достаточно показала, что ядра выхватывают своих жертв вне зависимости от качества судов. Тут уж надо положиться на судьбу... Я лично за себя не боюсь и вас прошу не беспокоиться. Правда, я иду на страшное дело, но все зависит от судьбы...» [9, л. 5].

Смерть воспринимается как неизбежное завершение жизненного пути. Следовательно, вторая черта мировоззрения комбатанта – положительное восприятие смерти в бою. «Человек с ружьем» приемлет лишь смерть в бою, так как невыполнение боевой задачи может оправдать лишь физическая ликвидация: «В боевой смерти есть хоть утешение, что человек умрет не даром: сражался за честь родины, а в береговой смерти какой смысл? Только что – неизбежное», – пишет мичман А. А. Редкин [9, л. 17]. Для молодого офицера важно обосновать важность принесенной в жертву жизни, обозначить ее ценность для общего дела.

С восприятием смерти тесно связаны понятия стыда и воинской чести, а также третья черта ментальности комбатанта – способность подавить инстинкт самосохранения. Мичман С. А. Якушев в своих воспоминаниях пишет: «Но мне стыдно было плавать во внутреннем плавании – спокойном и приятном, в то время, когда мои товарищи проливают кровь» [14, л. 17]. Разум и инстинкт самосохранения подсказывают человеку, что оставаться вдали от опасности – самая выгодная стратегия выживания, и молодой офицер это прекрасно понимает. Но корпоративно-сословная солидарность, давление социума на людей его профессии, патриотический настрой, личные убеждения активизируют психологический механизм стыда и не позволяют офицеру остаться в стороне, когда Российская империя ведет войну с Японией.

Аналогичное настроение овладело другим комбатантом – защитником Порт-Артура А. Н. Люповым. В дневнике он довольно откровенно, но просто пишет о своих колебаниях: «Не ловко покупать библию, когда объявлена война, и молиться о даровании жизни тогда, когда и я сам, да и все окружающие тотчас же готовы положить живот свой за други своя» [1, л. 10]. Естественное желание, воспитанное в А. Н. Люпове как челове-

ке русской культуры, в период сложных испытаний для Родины обратиться к Богу, встречается с внутренним ощущением неправильности подобной повседневной духовной практики.

Невозможно не заметить, что внутренняя борьба, описанная офицером, подразумевает, что в общественном сознании в военное время меняется приоритет жизненных ценностей. Общество ожидает от комбатанта безоговорочного самоотречения и готовности расстаться с жизнью, и многие офицеры чутко внимают призыву Родины, тонко чувствуют социальный настрой и соглашались с ним. Общество требует поставить службу на первое место в системе ценностей военного, отодвинув ценность жизни, любовь к семье на второе место после обязательств, связывающих комбатанта по службе. В частности, А. А. Щербатов откровенно признается своей невесте, что военная служба для него на первом месте: «Я буду молиться впредь не о нашей любви, а о том, чтобы Господь помог найти свой долг в жизни и неукоснительно его придерживаться». [8, с. 96]. И это приводит нас к следующей ментальной черте – абсолютизации ценности воинского долга.

В данном случае систему ценности и образ мысли комбатанта можно объяснить тремя факторами. Во-первых, гендерными стереотипами традиционного общества: для мужчины первая цель в жизни – самореализация, успех на профессиональном поприще. В данном случае А. А. Щербатов выбрал военное дело призванием в своей жизни. А во-вторых – религиозной моделью мировоззрения человека традиционного общества и дореволюционной России. А. А. Щербатов четко формулирует мысль о «праведности войны»: «Мы в этой войне делаем Божье дело...» [8, с. 96]. По контексту письма понятно, что смыслом своей жизни он видит служение Богу через участие в войне. В-третьих, корпоративность армейского мышления. Священный ореол воинского долга, приоритет его реализации перед всеми другими целями в жизни (любви, создании семьи) – одна из главных ценностей русского офицества.

На поле боя смерть становилась столь частым явлением, что комбатант начинал воспринимать ее как часть повседневной рутины. «В соседнем офицерском отделении лежали груды тел; часть их была завернута в брезент – это убитые, но тут же рядом примостились и живые и, положи к ним голову на грудь, храпели, поминутно вздрагивая и бормоча что-то во сне» [7, с. 174], – пишет

В. С. Кравченко о том, как легко стиралась на войне грань между сакрализацией восприятия смерти и повседневным бытом после Цусимского боя на крейсере «Аврора». Не только смерть, но и предшествующие ей орудийные выстрелы через некоторое время начинают восприниматься участником боя как должное [7, с. 177].

Ощущая постоянную близость к смерти, участники русско-японской войны обретают еще одну характерную черту – склонность к суевериям. Например, вестовые полковника А. В. Квитки заметили, что в присутствии офицера удавалось избежать неожиданных нападений неприятеля и серьезных потерь. Суеверные казаки связывали это со «счастливой рукой» А. В. Квитки [4, с. 425]. С одной стороны, логически это можно объяснить хорошо организованной разведкой, которая вовремя докладывала полковнику и его подчиненным офицерам о приближении неприятеля. С другой стороны, вероятно, вестовые с увлечением предавались приятным воспоминаниям, провозжая полковника на Родину, и неожиданные нападения и потери изгладились из их памяти, хотя сам А. В. Квитка повествует о подобных случаях [4, с. 74].

Полевой быт – это не только постоянное ожидание смерти, но и периоды отдыха и покоя, когда конкретные отряды или части не принимали участия в боевых действиях. Для многих участников Цусимского сражения эта битва стала единственной, а для некоторых и последней. Долгое плавание на судне в составе Второй Тихоокеанской эскадры или рейды на одном из крейсеров Владивостокского отряда превращало военный поход из долгожданного приключения в скучную повинность, что влияло на боевой дух и моральное состояние комбатанта.

Распорядок дня офицера военно-морского флота был жестким, поэтому в дни плавания не всегда оставались свободные минуты. Вот как описывает свои впечатления от первого плавания участник перехода Второй Тихоокеанской эскадры Я. К. Туманов: «Спать удавалось лишь короткими урывками, вне всякой зависимости от дня или ночи: есть свободные полчаса – валишься в койку, как убитый» [12, с. 41]. Иногда получалось так, что в свободное от вахты и обязанностей время офицеры не знали, чем себя занять, и откровенно предавались праздности. Вот как описывает лейтенант Г. Колоколов будни морского офицера в Тихом океане: «Полнейшее безделье, на всех нашло сонное настроение, сидят по каютам или же бродят по кают-компаниям, позевывают и, по-

сматривая на часы, спрашивают, скоро ли чай или обед» [5].

В свободное время офицеры морского флота пытались найти себе интересное занятие. Живой интерес к необычной флоре и фауне особенно ярко проявился у участников перехода Второй Тихоокеанской эскадры, которые побывали в водах Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Офицеры крейсера «Изумруд» активно занимались «зоологическими изысканиями», пытались выловить, рассмотреть и даже препарировать диковинных рыб и медуз, обитающих в водах Красного моря [2, с. 47], развлекали себя рыбной ловлей и таким образом пытались разнообразить свой рацион [7, с. 52, 63].

На российских кораблях моряки любили заводить себе животных. Причем к приготовленным на убой свинкам или барашкам иногда настолько привыкали, что отказывались закладывать и съедать полюбившихся питомцев [14, с. 91; 12, с. 74]. Например, на «Изумруде» обитали ручной барашек, кошки, пес, на миноносце «Грозный» – обезьяны [7, с. 42–44, 55]. На «Авроре» у командира крейсера капитана Е. Р. Егорьева в каюте жил удав, у судового врача В. С. Кравченко обитал попугай, у инженера-механика – пара хамелеонов, у команды – две собаки и лемуры [7, с. 63–64, 87].

Список развлечений моряков на экзотических берегах Джибути, Мадагаскара и в других местах длительных стоянок Второй Тихоокеанской эскадры был примерно одинаков: смотрели на жизнь местного населения [7, с. 61], обедали в гостиницах и ресторанах, пили прохладительные напитки в кафе, делали покупки (открытки, когти пантер, камешки и прочие мелочи), любовались экзотическими животными, которых держали европейцы-хозяева лавок для развлечения туристов, набирали кораллы причудливых форм [2, с. 129–131]. Офицеры не упускали шанса поохотиться на экзотических зверей и искупаться в пресных водоемах, а также набрать зелени, цветов, пальм различных пород, чтобы украсить судно к важному празднику, например, Пасхе [7, с. 66–67, 100].

Менее разнообразным предстает перед нами досуг комбатанта действующей армии. К популярным развлечениям относились игра в карты всю ночь напролет, употребление алкогольных напитков, разговоры о «военных делах минувшего и настоящего», написание писем родственникам и друзьям [16, с. 60, 64, 66, 69, 99].

Не проходит мимо комбатантов и такая важная часть социальной жизни, как праздники. Российские моряки не упускали случая устроить праздник: Новый год, Рождество, Масленицу, Пасху

[7, с. 42, 44, 64, 100], полковые праздники, день Святого Георгия [16, с. 32, 50–51, 98]. Празднования, безусловно, позволяли комбатантам отвлекаться от осознания приближающейся битвы и возможной смерти, но «самообману» поддавались не все. «Разве можно быть на самом деле веселым, когда не сегодня, завтра бой?» – задается простым вопросом С. А. Якушев, подразумевая отрицательный ответ [10, л. 25].

Отсутствие рациональной и полезной организации досуга для офицеров и нижних чинов становилось проблемой. В условиях смены климатических зон, долговременных стоянок в иностранных портах, многодневных переходов без столкновения с противником офицеры расслаблялись и забывали о том, что находятся в состоянии войны. Противник казался далеким и недостижимым. И это еще одна ментальная особенность российского комбатанта: требовалось постоянное информационное и эмпирическое погружение в боевую ситуацию, иначе россиянин переставал считать себя участником боевых действий и воспринимал поход как приключение.

Наконец, важной чертой российских военных была способность успешно справляться с бытовыми трудностями и вступать в бой несмотря на все неурядицы бытия. Конструкторы военных кораблей начала XX в. старались создать наиболее комфортные условия для длительного проживания моряков: на корабле имелись прачечная, хлебопечка, баня, душ, лазарет, магазин для офицеров и матросов [9, л. 9]. Но бытовые трудности сопровождали российских моряков в походе. В частности, каюты офицеров заполнили углем, и им приходилось спать на палубе под открытым небом [10, л. 27]. Команду крейсера «Аврора» одолевали «полчища и «легионы» тараканов [7, с. 64]. «Одним из самых больших лишений» становилось отсутствие информации о происходившем на Дальнем Востоке [9, л. 27].

На полях и в степях Маньчжурии комбатанты тоже сталкивались с неустроенностью бытовой жизни. Приезд полевой кухни был целым событием для солдата, так как нередко он оставался без горячей пищи на неделю. Ночевать приходилось в шалашах из гаюляна, в китайских фанзах, часто не очень чистых, самостоятельно построенных землянках [16, с. 7–10, 16, 41 83, 87, 89], а также в палатках, даже на охалках сена [4, с. 198]. Офицеры проживали в лучших условиях, хотя, как правило, тоже стесненных. На холодное время года в китайских фанзах устраивали камин из камней, с торчащей над крышей трубой, или каны – отапли-

ваемые кирпичные лежанки, которые становились универсальным предметом обстановки для офицера: на них спали, сидели, писали, обыкновенно и ели. Как правило, особых затруднений с продовольствием не испытывали, хотя не хватало хлеба [2, с. 175]. Полковник А. В. Квитка умудрялся пользоваться услугами персонального повара, который сопровождал офицера, заботился о его пропитании и угощал сослуживцев праздничными трапезами, приготовленными на полевой кухне [4, с. 20, 75, 221]. Для пропитания некоторые комбатанты охотились на зайцев и «манчжурских куропаток». Возникали трудности с доставкой в армию предметов обмундирования [16, с. 63, 353]. Не считая сроков, когда часть уходила в резерв, привалы могли быть довольно короткими, вплоть до одного часа, и усталому, голодному, сердитому комбатанту приходилось по первому приказу переходить на другую позицию [4, с. 101, 181, 211, 222].

В тяжелых условиях оказались портартурцы с началом осады: истощение, быстрый рост цен на продукты и, как следствие, плохое питание; угроза заболеть дизентерией, куриной слепотой, тифом, скорбутом, бронхитом, подхватить воспаление легких. Солдатам приходилось жить в холодных и сырых землянках. Они испытывали трудности с обеспечением предметами первой необходимости [6, с. 209, 284]. Всю ночь напролет ждали нападения неприятеля, а если ночь и день выдавались спокойными, то, не покидая окопов, ели и укладывались спать [13, с. 10].

В воспоминаниях участников русско-японской войны прослеживается тенденция, согласно которой психологическая и физическая нагрузка на комбатанта различалась в зависимости от подразделения армии или флота, в составе которого он проходил службу. Одни комбатанты приняли участие всего в одном сражении, другие на протяжении нескольких месяцев и даже года участвовали в маленьких стычках и более крупных столкновениях с врагом. Одни дни выдавались спокойными, и комбатант мог позволить себе отдохнуть, другие требовали нечеловеческого напряжения и могли унести жизнь комбатанта. У моряков и частей в запасе актуальной становилась проблема использования свободного времени. Не каждому удавалось с пользой организовать свой досуг. Усугубляла ситуацию информационная изоляция, в которой оказались портартурцы и рождественцы. Печатная продукция – очень важный инструмент для воздействия на умы комбатантов – практически не была задействована. Грамотная пропаганда позво-

лила бы поддерживать боевой дух, оптимистичный настрой среди личного состава российского военно-морского флота.

Как следствие неправильной организации быта апатия и потеря воли к победе стали одними из важных ментальных характеристик участника русско-японской войны, наряду с воспитанными в боевой ситуации фатализмом, положительным восприятием смерти, верности долгу, субординацией в общении, суеверностью, корпоративностью мышления.

Библиографический список.

1. ГКУ ЯО ГАЯО, Ф. 1299, оп. 1, д. 8, л. 37.
2. Граф, Г. К. Моряки. Очерки из жизни морского офицера 1897–1905 [Текст] / Г. К. Граф. – СПб. : Библиотека альманаха «Корабли и сражения», 1997. – 228 с.
3. Деникин, А. И. Путь русского офицера [Текст] / А. И. Деникин. – Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1953. – 384 с.
4. Квитка, А. В. Дневник Забайкальского Казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 [Текст] / А. Квитка. – СПб. : В. Березовский, 1908. – 430 с.
5. Колоколов, Г. На крейсере «Россия» [Электронный ресурс] / Г. Колоколов. – СПб. : Цитадель – 1997. 48 с. – URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_22/kolokolov-russia/ (дата доступа: 17.09.2015).
6. Костенко, М. И. Осада и сдача крепости Порт-Артур. Мои впечатления [Текст] / М. И. Костенко. – Киев : Типография Окружного Штаба, 1907. – 327 с.
7. Кравченко, В. С. Через три океана. Воспоминания врача о морском походе в Русско-японскую войну 1904–1905 годов [Текст] / В. С. Кравченко. – СПб. : Гангут, 2002. – 256 с.
8. О войне, любви и вере: Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904–1905 гг. [Текст] / сост. Е. А. Федоров, И. Г. Менькова, Д. А. Меньков. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 544 с.
9. РГВИА, Ф. 487, оп. 1, д. 933, Л. 45.
10. РГВИА, Ф. 487, оп. 1, д. 937, Л. 35.
11. Сенявская, Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки [Текст] / Е. С. Сенявская. – М. : Институт российской истории РАН, 1997. – 232 с.
12. Туманов, Я. К. Мичмана на войне [Текст] / Я. К. Туманов. – Прага, 1930.
13. Холмогоров, А. В. осаде. Воспоминания порт-артурца [Текст] / А. Холмогоров. – СПб. : Типолитография В. В. Комарова, 1905. – 66 с.
14. Чегодаев-Саксонский, А. П. На «Алмазе» (от Либавы через Цусиму – во Владивосток) [Текст] / А. П. Чегодаев-Саксонский – СПб. : Издатель М. А. Леонов, 2004. – 128 с.
15. Чернов, Л. А. Повседневная жизнь офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. [Текст] : дис. ... канд.

ист. наук: 07.00.02: защищена 25.04.2014 / Чернов Лев Алексеевич. – Иваново : 2014. – 223 с.

16. Шикуц, Ф. И. Дневник солдата в Русско-японскую войну : в 2-х ч. [Текст] / Гос. публ. ист. б-ка России. – М., 2003. – 232 с.

Bibliograficheskiy spisok.

1. GКУ JaO GAJaO, F. 1299, op. 1, d. 8, l. 37.
2. Graf, G. K. Morjaki. Ocherki iz zhizni morskogo oficera 1897–1905 [Tekst] / G. K. Graf. – SPb. : Biblioteka al'manaha «Korabli i srazhenija», 1997. – 228 s.
3. Denikin, A. I. Put' russkogo oficera [Tekst] / A. I. Denikin. – N'ju-Jork : Izd-vo imeni Chehova, 1953. – 384 s.
4. Kvitka, A. V. Dnevnik Zabajkal'skogo Kazach'ego oficera. Russko-japonskaja vojna 1904–1905 [Tekst] / A. Kvitka. – SPb. : V. Berезovskij, 1908. – 430 s.
5. Kolokolov, G. Na krejsere «Rossija» [Elektronnyj resurs] / G. Kolokolov. – SPb. : Citadel' – 1997. 48 s. – URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_22/kolokolov-russia/ (data dostupa: 17.09.2015).
6. Kostenko, M. I. Osada i sdacha kreposti Port-Artur. Moi vpechatlenija [Tekst] / M. I. Kostenko. – Kiev : Tipografija Okružnogo Shtaba, 1907. – 327 s.
7. Kravchenko, V. S. Cherez tri okeana. Vospominanija vracha o morskome pohode v Russko-japonskuju vojnu 1904–1905 godov [Tekst] / V. S. Kravchenko. – SPb. : Gangut, 2002. – 256 s.
8. O vojne, ljubvi i vere: Perepiska michmana knjazja Aleksandra Shherbatova so svoeje nevestoj knjazhnoj Sof'ej Vasil'chikovoje 1904–1905 gg. [Tekst] / sost. E. A. Fedorov, I. G. Men'kova, D. A. Men'kov. – M. : Izd-vo PSTGU, 2008. – 544 s.
9. RGVIA, F. 487, op. 1, d. 933, L. 45.
10. RGVIA, F. 487, op. 1, d. 937, L. 35.
11. Senjavskaja, E. S. Chelovek na vojne. Istoriko-psihologicheskie ocherki [Tekst] / E. S. Senjavskaja. – M. : Institut rossijskoj istorii RAN, 1997. — 232 s.
12. Tumanov, Ja. K. Michmana na vojne [Tekst] / Ja. K. Tumanov. – Praga, 1930.
13. Holmogorov, A. V. osade. Vospominanija port-arturca [Tekst] / A. Holmogorov. – SPb. : Tipolitografija V. V. Komarova, 1905. – 66 s.
14. Chegodaev-Sakonskij, A. P. Na «Almaze» (ot Libavy cherez Cusimu – vo Vladivostok) [Tekst] / A. P. Chegodaev-Sakonskij – SPb. : Izdatel' M. A. Leonov, 2004. – 128 s.
15. Chernov, L. A. Povsednevnaia zhizn' officerskogo korpusa russkoj armii v Man'chzhurii v gody russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg. [Tekst] : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02: zashhishhena 25.04.2014 / Chernov Lev Alekseevich. – Ivanovo : 2014. – 223 s.
16. Shikuc, F. I. Dnevnik soldata v Russko-japonskuju vojnu : v 2-h ch. [Tekst] / Gos. publ. ist. b-ka Rossii. – M., 2003. – 232 s.